

ПЕРЕВОЗЪ № 11. ТРОЕ.

(А. Гингеръ, Б. Поплавскій,
С. Шаршунъ).

Моимъ шестнадцатымъ лѣтомъ,
Ей было около тринадцати.

Мы были въ ссорѣ и я сказалъ:
Обниму насильно — и миръ готовъ.

Вдругъ она неистово разрыдалась.
Прижималась къ сестрѣ: Я боюсь его.

Это плачетъ вѣчная женскость,
Вѣчно страдательное.

«Долго снились мнѣ вопли рыданій
твоихъ,
То былъ голосъ обиды, безсилія, плачь».

Разказъ Часового.

По Уставу, какъ ртуть переступить
Пятнадцать ниже нуля,
Часовому въ тепломъ тулупѣ
Только часъ на посту стоять.

Я стоялъ у полкового театра,
Тридцать пять градусовъ морозъ,
И вѣтеръ, что прямо жарко,
Сталъ носъ, что твоя папироса.

А тулупъ во вшахъ — живой.
Разводящаго ждешь, какъ депеши,
Такъ и чешешься самъ не свой
(И не мрутъ отъ холоду, лѣшіе).

Теперь слушай, какая исторія:
Смѣна приходитъ, наконецъ,
И смѣнились даже безъ разговору,
А я значить иду обѣдать.

Пока дошли до гауптвахты —
А тамъ помѣщались караулы —
Не осталось отъ супа ни капли,
Ни кусочка отъ буханки колупнуть.

И вечеромъ исторія та же,
Совершенно безъ ужина остался,
И чаю еле хлебнулъ даже,
А сказать взводному — заругается.

Круглые сутки не жравши.
Отъ снѣга только что не ослѣпъ.
Теперь видишь, какое житье наше,
Можно сказать, свирѣпое.

Руки — щупалки, губы — цѣловалки
— жаль! бездѣйствуютъ.

... Въ кухню спускаться по лѣстницѣ.
Гадала по картамъ: «Онъ топчетъ смерть
свою ногами». Заревѣлъ, кувыркомъ по
лѣстницѣ въ кухню къ нянѣ.

Ты видишь, какъ блестятъ глаза живого врага, но погасишь. А скалы глухія, скалы обрушиваются.

... заплакалъ въ свой день рожденья.
48. Не подымалъ головы и на все бормоталъ: «ничего, ничего».

Сонъ во время болѣзни: ледяное поле безъ концовъ, мчусь по нему помимо воли и не знаю, чѣмъ это кончится.

---

*Puella quae ungues habet similes feminae
maturae meretricula.*

A. Г.

Съ точки зрѣнія князя Мышкина.

Въ общемъ я всегда мечталъ быть тѣмъ неотразимымъ клоуномъ съ солнцемъ на груди и луной на спинѣ, который такъ хорошо играетъ на мандолинѣ и на все имѣетъ отвѣтъ, а оказывался вѣчно именно другимъ, его партнеромъ, который всегда подъ самый конецъ теряетъ огромные штаны и уходитъ съ трагическимъ видомъ и яичницей на головѣ.

*

Но отъ удачи уже такъ далеко, а до Б. увы еще вовсе не близко. Напримѣръ, попробовалъ на дняхъ перекреститься на улицѣ, ибо, согрѣшивъ мысленно, боялся, что Б. меня сейчасъ убьетъ, но не могъ, и все тутъ... Страхъ насмѣшки что «всѣ знаютъ», что «выго-

няютъ», сильнѣе оказался страха смерти.

Какъ стыдна святость и какъ далека еще мой вѣчный идеалъ — Мистическій интегральный нюдизмъ.

*

Пятилѣтняя бабушка Н. Т. однажды (въ Парижѣ) сочинила:

*Quand le beau temps commence
Ca finit par la pluie.*

Отецъ ея (важный чиновникъ) прочелъ черезъ плечо и, степенно улыбаясь, дописалъ стихотвореніе:

*Chantons donc la romance
Sous le parapluie.*

Кто они были эти люди: дѣти съ орденами, дѣти съ бородами, дѣти съ саблями, а намъ тысячу лѣтъ, потому что мгновение подъ наркозомъ на операционномъ столѣ длится годъ, а пятнадцать лѣтъ подъ наркозомъ — тысячу.

*

Психоаналитическая космогонія... Что было сначала... Вообще универсально сѣрое... Потомъ тихое вѣянье расчистило мѣсто будущаго міра, сдуло, отмело все черное къ низу и бѣлое сосредоточило на верху... Это матерія и духъ, электрическіе супруги... и потому «Люди смотрятъ на небо и думаютъ — тамъ Богъ, а ангелы смотрятъ на землю и думаютъ — тамъ Богъ»... Но гдѣ же Онъ? Не тамъ и не здѣсь, а при встрѣчѣ ихъ, на самой поверхности отраженія, въ плотскомъ матерьяльномъ явленіи духа... Здѣсь Кантъ не понялъ, а Гегель понялъ... Сущность не «за ве-

щами» и не «за разумомъ», а на самой поверхности, радостной, сіяющей реальной встрѣчи того и другого въ пластически объективномъ рожденіи духа... Не знаю на счетъ папиросы Розанова... но свѣжесть яблока, блескъ воды, прозрачность деревьевъ, которыя растутъ въ царствѣ сто разъ реальнѣе, конкретнѣе ошутимѣе ихъ отраженія на землѣ... Нѣтъ, скажи все таки, какъ ты себѣ представляешь Царство, не рай имѣй въ виду, а царство — Малкутъ, ибо все-таки идея рая есть отдыхъ усталыхъ, а усталость на половину не понимаетъ, не принимаетъ жизни...

Это вродѣ сна... во первыхъ низкій одноэтажный домъ, гдѣ внутри все деревянное, стѣны и старая лоснящаяся мебель... Снаружи ярко освѣщенный солнцемъ садъ, вѣтви и отблески котораго наполняютъ все... а за длиннымъ столомъ Онъ и Авраамъ пьютъ молоко, глядя въ садъ. Онъ сидитъ спиной, а Авраамъ въ профиль, такъ что видна его большая, загорѣлая Микельанжелогская рука, большой носъ и иконописная борода, какъ у стараго дворника; и окружаетъ ихъ и дальнія поля, сказочная тишина и огромная яркость, какая то не грубая, а удивительно спокойная глубина свѣта... Того, что они говорятъ, я не понимаю... Разговоръ часто прерывается молчаніями, во время которыхъ сдерживаемое изъ всѣхъ силъ невѣроятное счастье и уваженіе наполняетъ все кругомъ и отъ каждой фразы какое то большое прошлое время встаетъ въ дали, вдругъ становясь насквозь яснымъ и радостно вспыхнувъ, успокоившись, наконецъ, вырывается на свободу...

Но что тебя особенно удивило, что ты запомнила больше всего?... не знаю... свѣжесть какая то, спокойная полнота

ихъ строгаго счастья, ты знаешь, я вснѣ припомнила: «Кущи Господни вѣчно свѣжи» и еще *l'aisance incroyable* ихъ жестовъ.

*

Мелодія говоритъ такту: звучи и прохди, не задерживайся, не мѣшкай, рас-точись въ звучаніи и замолчи; иначе (то есть, хотя звучать дольше положеннаго), ты тотчасъ начнешь мѣшать слѣдующей наступающей музыкальной фразѣ. Такъ духъ музыки гонитъ все, едва прозвучало оно, едва выпростало свою мелодію вонъ изъ музыки, вѣчно торжествующее становленіе которой неудачникъ воспринимаетъ, какъ отвратительную жесточайшую необходимость... Но гдѣ же все звучитъ вѣчно... Только тамъ, гдѣ времени не будетъ... Значитъ, всѣ сразу какофонически, перебивая другъ друга! Нѣтъ... Вся мелодія видна оттуда, какъ цѣлое, развернутое внизу, и вся она поетъ сразу, всѣ такты ея, и музыкальныя фигуры уже не заглушаютъ другъ друга, а внѣполагаются каждая въ своемъ особомъ измѣреніи тамъ, гдѣ воскреснутъ всѣ мертвые... Не изъ гробовъ, конечно, а изъ памяти міра въ Сефирѣ Бинахъ... Жена Господня ихъ вспомнитъ и они вернутся къ жизни, когда въ субботу юбилейнаго года она начнетъ вспоминать свою недѣлю труда... Потомъ улыбнется, ласково поцѣлуетъ мужа и, помолчавъ, скажетъ... Неужели вообще возможно было, чтобы наше счастье не имѣло свидѣтелей, но дѣйствительно, только тѣ поймутъ нашу радость, кто гсмятъ нашу разлуку и какъ страшенъ и голъ былъ міръ, когда въ великомъ Твоемъ Имени Іудъ отдѣлился отъ Хе и Шекина покинула жизнь.

Б. П.

I. ПОЪЗДЪ

Вихляющаяся кишка поѣзда кудахчетъ по куриному.

Виноградники-ли, учебное-ли солдатское поле?

Бананъ, вдругъ, претворился въ мороженое.

У спутницы: изможенно-длинный, узловатый, но — французскій, цѣльный, «безъ заоблачности» — профиль.

Эти, присѣвшія, какъ на мою картину — избы.

Природа благоухаетъ — картинами великаго французскаго художника.

О, неслыханное кощунство: розовый домикъ, на этой святой, тонкотертой, пепельно-фарфоровой землѣ!

Мое лицо: колышущійся, переливающийся, тѣстообразный, клецковый, безстыдный, обнаженный, разлагающійся, проклятый — вытекающій изъ черепа — мозгъ... вводящій меня: въ страхъ, уныніе, растерянность и безпамятство.

Каррикуры и реальное неправдоподобіе туманной перспективы: лошадь — закрывшая поле; человѣкъ больше сосны, хижина — меньше коровы.

Блюа, какъ задача для живописца — величайшій въ мірѣ городъ.

По побережью Луары — Франція равна Италіи: жизнь ея музейна.

Увидѣлъ регбистовъ, играющихъ на фонѣ замка... пришла мысль: открыть разговоры спортивной молодежи, задумавшей взорвать, одновременно, всѣ музеи.

Эйфелева башня — распустилась: стеклянно-ломкими льдинками, нѣжными листочками березы.

II. СУМЕРКИ ВЪ БУЛОНСКОМЪ ЛѢСУ

Дерево свѣсило свой проволочный, павлиній хвостъ.

Изъ-за кустовъ, пругообразныя руки мародеровъ — пытались сорвать съ меня шляпу.

Все принижается, — и оживаютъ, раскрываются, эти навязчивыя, нестерпимыя ночныя чудовища: глаза-цвѣты съ запахомъ молніи.

Вытянувшись, выстроились шпалерами, тѣлохранители-роботы, съ огненнобѣлыми, паукообразными мечами наголо.

Мчитъ разъяренный быкъ, неся въ загривкѣ бѣло-окровавленные бандерольки.

Клинообразно-длинныя струи жидкаго воздуха, съ быстротой свѣта — распиливаютъ дебри лѣса.

Хрюкающія ноздри металлическихъ свиней — выпускаютъ нестерпимое зловоңье — смертоноснаго сіянья.

Надъ лѣсомъ — второй этажъ озера, я — ракъ, рыбка — путающаяся межъ водяныхъ мховъ, зеленыхъ прядей волосъ, русалочныхъ космъ, камышеобразныхъ деревьевъ.

А, вотъ и страшно-гнусный, дикій звѣрь: кабанообразная, водяная крыса!

Дородный, лаически-темпераментный, незнакомый г-нъ Авто: разоблачилъ, пригвоздивъ къ дереву, слѣдовавшаго за мной — сыщика.

Вдругъ, стволъ дерева — породилъ: страшнаго, чернаго, закипѣвшаго громомъ и злобой, бросившагося на меня и засыпавшаго лавиной тьмы и расплавленной сѣры — двойника.

Двойникъ-то, двойникъ!

На длинныхъ, ножничныхъ ногахъ,
какъ газетная реклама магазина платя!

Стрижетъ, щеголяетъ, гонитъ, вьется,
крутитъ рулевыми колесами — поды-
грывается, — ловчить: вскочить въ ме-
ня, спариться, слиться, раствориться!

III. ОЗЕРА БУЛОНСКАГО ЛЬСА

Мастодонтообразная нога карнаухаго
дерева — непрерывно мочится струйкой
водопада.

Желѣзная рѣшетка деревьевъ —
сдерживаетъ натискъ серебряной чере-
пахи.

Изъ аромата бѣлыхъ цвѣтовъ свѣта
— вода выковала ртутные мечи.

Тѣни деревьевъ, намалеванныя на
зеркалѣ — миражные, фатаморганиче-
скіе мосты-переходы.

Рябь — чеканитъ оловянную раку, ка-
ракулевую шубу.

Черноалмазные, падающіе болиды, лу-
чевыми косами — бреютъ лога, — а,
вотъ, одинъ захватилъ бородавку, и она
завопила по-утиному.

Вода подъ вуалеткой отраженій.

На стеклянной полянѣ — рѣзвятся
зайчики.

Крался тать во тѣмѣ, да попалъ въ за-
падню: пламя его совиныхъ глазъ —
расплылось по навощеному полю дозор-
ной полосы.

С. Ш.